

Наконец раздался телефонный звонок. Фудзими Цкуина пришел в себя и, глядя на экран с именем звонящего, вновь зажглся надеждой в глазах, которые уже долгое время оставались потухшими.

Не колеблясь ни секунды, он нажал кнопку ответа.

— Мама... — в его голосе звучало столько надежды, будто он ухватился за последнюю соломинку.

Его мать, госпожа Фудзими Судзуна, была всемирно известной оперной певицей. Он ни капли не сомневался, что она сможет разрешить его нынешнее затруднение, вернее... просто не смел сомневаться.

Париж, Франция.

Только что закончив выступление и собираясь домой, Фудзими Судзуна набрала этот номер, болтая и смеясь с коллегами, но стоило ей услышать его голос, как лицо ее мгновенно переменилось.

Ей следовало догадаться раньше: если ее ребенок не столкнулся с неразрешимой проблемой, он ни за что не позвонил бы ей в такой час.

Всегда решительная и быстрая на расправу женщина смягчила голос:

— Сяо Линь, в чем дело? Что-то случилось?

У стоявшей рядом и еще не успевшей уйти коллеги от удивления чуть челюсть не отвалилась.

Фудзими Цкуина выложил ей все, что произошло. Его голос звучал очень спокойно, но она расслышала дрожь в самом конце фраз.

Она услышала, как он произнес:

— Мама, что мне делать с прослушиванием?

Фудзими Судзуна достала наушники и надела их:

— Не спеши, дай маме послушать.

В отличие от Сэйити Юкимуры, Фудзими Судзуна уловила в этом пении куда больше — нечто скрытое гораздо глубже...

В тех, на ее взгляд, еще немного детских нотах она расслышала сожаление, затаившееся в складках мелодии, — словно искра, которую то и дело гасили, но она вспыхивала вновь. Она услышала и те невысказанные сожаления, что легкой рябью расходились вместе с дрожащим эхом на конце нот: это были случайно обнаженные, еще не зажившие душевные раны.

Она подумала, что знает, в чем кроется проблема.

Наконец она произнесла слова, которые прежде собиралась сказать, но так и не решилась:

— Сяо Линь, ты действительно не жалеешь, что бросил теннис?

На другом конце провода воцарилась тишина. Спустя мгновение она услышала его ответ:

— Не жалею, мама.

Голос Фудзими Цкуина был чистым и спокойным, в нем не чувствовалось ни малейшего колебания, словно это был ответ человека, который все тщательно обдумал.

Но она была его матерью и слишком хорошо знала, что на самом деле любит ее ребенок.

Она знала: все его детство было заполнено тем маленьким прыгающим мячиком желтого цвета.

Она помнила: впервые он забыл о времени и полностью погрузился во что-то, когда смотрел теннисный матч.

Она прекрасно понимала: его первые осознанные слезы были пролиты из-за того разгромного поражения...

Ее ребенок был до того послушным и разумным, что даже она, никудышная мать, понимала, ради чего он делал те редкие исключения из правил.

И хотя Фудзими Цкуина последовал по ее стопам и тоже увлекся оперой, она знала: теннис для него — особенный.

Фудзими Цкуина заговорил с некоторой спешкой:

— Мама, разве это как-то связано с теннисом?..

— Как же не связано? Сяо Линь, неужели ты правда не понимаешь, из-за чего на самом деле дрогнуло твое сердце?

Его мать по-прежнему говорила мягко, но Фудзими Цкуину эти слова поразили словно сильнейший удар.

Неужели я и впрямь не знаю?

Ее голос звучал неторопливо:

— С малых лет ты был послушным мальчиком, не плакал, не капризничал и никогда не доставлял маме хлопот. Мама всегда думала, будто ты родился, чтобы отблагодарить меня за всё.

— Но единственный раз, когда ты заставил маму по-настоящему испугаться, был тогда, когда ты так увлекся уличным теннисом, что потерял счет времени и вернулся домой поздно...

Фудзими Цкуина замер, слушая ее рассказ о нем и теннисе, и те воспоминания — и те, что он помнил, и те, что уже забыл, — начали бурной волной подниматься в его сердце...

Напоследок он услышал ее слова:

— Мама не хочет, чтобы ты сгоряча отказался от того, что любишь по-настоящему.

— Посмотри на это, Сяо Линь, взгляни на то, чем ты когда-то страстно дорожил. А затем продолжай любить это всей душой.

Будучи выдающейся оперной певицей, Фудзими Судзуна, конечно, могла бы обучить его технике и помочь скрыть собственные эмоции, но она была далеко во Франции, а времени оставалось в обрез — так пусть же он сначала сам обретет внутреннюю твердость.

К тому же, как мать, она желала, чтобы ее ребенок нашел то, что полюбит по-настоящему.

Звонок завершился.

<http://bllate.org/book/22380/2347822>